

- 52 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* М 1979 С 148
- 53 Стихотворение «Одиноким лицедей» здесь и далее цит по *Хлебников В.* Творения М 1987 С 168-167
- 54 *Старк В.П.* Прича о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // *Пушкин исследования и материалы* Т 14 Л 1991 С 60-61
- 55 Ср с фрагментом поэмы «Поэт» «Топла бесновалась, куда-то летела, / То бела, как призрак, то смугла и дика / И около мертвых богов / Чьи умерли рано пророки стоял у стены вечный узник созвучия» (*Хлебников В.* Творения С 267)
- 56 Идея единого разума природы – одна из краеугольных в эстетике Хлебникова См., например поэму «Зверинец»
- 57 *Хлебников В.* Творения С 603
- 58 Сравнить с базовыми постулатами теоретиков немецкого романтизма «На него <художника> действует сила которая проводит грань между ним и другими людьми, побуждая его к изображению и высказыванию вещей не открытых до конца его взору и обладающих неисповедимой глубиной» (*Шеллинг В.-Ф.* Философия искусства М 1966 С 380) «Как совершается все < > поэтическое творчество, если не путем полнейшей отдачи себя воздействию какого нибудь гения» Шлегель Ф Люцинда // *Немецкая романтическая повесть* М Л 1935 С 32
- 59 Эта идея просматривается и в лирическом сюжете стихотворения «Я вышел юношей один» которое перекликается и с пушкинским «Святалем» и с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу» В нем поэт пророк зажигает в ночи поле своими волосами «И огненное Я пылало в темноте / Теперь я ухожу / Захезши волосами / И вместо Я / Стояло – Мы» (*Хлебников В.* Творения С 181)
- 60 Цит по *Старк В.П.* Прича о сеятеле С 57
- 61 Цит по *Кедров К.* «Сеятель очей» С 163
- 62 *Цветаева М.И.* Собрание сочинений В 7 т М 1994–1995 Т 2 С 498 Далее ссылки на это издание в тексте
- 63 *Коркина Е.* Лирическая трилогия Цветаевой // *Марина Цветаева 1892–1992* Симпозиум посвященный столетию со дня рождения Русская школа Норвичского университета Нортфилд, Вермонт 1992 С 115
- 64 Об этом *Килерман Ж.* «Пророк» Пушкина и «Сивилла» Цветаевой (Элементы «поэтической теологии и мифологии») // *Вопросы литературы* 1992 Вып 3 Анализируемые стихотворные тексты являются для автора статьи ключом к пониманию теологического и мифологического начал поэзии Пушкина и Цветаевой а те в свою очередь проецируются на мироощущение поэтов в целом, давая многомерную картину взаимоотношений поэта с религией и мифом (С 114)
- 65 *Белый А.* Символизм как миропонимание М, 1994 С 253

Ф.П. Куценко, Е.М. Мельник

О ПУШКИНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЛОКА

Проблема Блок и Пушкин не раз привлекала внимание ученых-блоковедов (З.Г. Минц, Л. Гроссман, В.Н. Голицына, В.В. Мусатов [1] и др.) Наличие пушкинской традиции в творчестве Блока несомненно. Это прежде всего то обще-поэтическое влияние, которое оказал Пушкин на всю последующую художественно-эстетическую мысль России и, конечно же, на Блока. В широком смысле Блок «вышел» из Пушкина Такова, например, музыкальность Блока, эмоциональность и настроение как основа текста, органичность его поэзии «Генная» близость Блока к Пушкину прослеживается и на уровне социокультурном

Но «отношения» Блока и Пушкина были гораздо сложнее и имели свою историю Мы рассматриваем пушкинскую традицию на разных этапах творчества Блока: ранний «доместический» Блок, «Стихи о Прекрасной Даме», вторая книга стихов, поэма «Возмездие»

У раннего Блока пушкинское влияние по-разному, иногда прямо противоположно, оценивается учеными В 1920-е годы Л. Гроссман писал: «В пантеоне юного Блока имя Пушкина остается в тени» [2] В 1970-е годы З.Г. Минц утверждала прямо противоположное. «Доместический» Блок – весь под влиянием пушкинской традиции» [3]

Раннему, «отроческому» Блоку Пушкин должен быть наиболее близок недалеко еще гармоничное детство, благополучный семейный уклад и пришедший оттуда Пушкин В планах к «Возмездию» он пишет: «золотое детство, елка, дворянское баловство,

няня, Пушкин (опять и опять!).” [4]. В этой же атмосфере пробуждаются и ранние романтические мечтания “И няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день

Гроб качается хрустальный,
Слит царевна сладким сном” [5]

Но в то же время блоковеды, например, В.В. Мусатов, не без основания замечают, что романтическая мечта о подвиге у Блока ближе лермонтовской” (9, с. 45), З.Г. Минц в обстоятельной работе “Блок и Пушкин” выявляет пушкинские реминисценции и в то же время доказывает, что они пришли к Блоку через послепушкинскую поэтическую культуру, в частности, указывает на сращенность блоковских “пушкинизмов” со стилистикой Полонского [6] Эту же мысль проводит и А.В. Чичерин: блоковский текст “Медлительной чредой нисходит день осенний..” он спугал сначала с Фетом, потом с Полонским “Медлительная чреда”, “кружится желтый лист”, “душа не избежит невидимого тления” – это “пушкинское” и иное, пропущенное через мироощущения Фета и Полонского [7] И все-таки в “доместических” стихах, как показывают тексты, пушкинское начало органично для Блока. Тем более, что сам Блок в 1897 году в числе любимых поэтов назвал. “Пушкин, Гоголь, Жуковский”. Для нас важны не только “сращення” с Фетом и Полонским. но и то, что сами Фет и Полонский были обращены к Пушкину.

Близость раннего Блока к Пушкину доказывает и другой материал – рассмотренные нами примечания В.Н. Орлова к первому тому восьмитомного собрания сочинений Блока [8] Эти примечания к первой книге стихов, текстам, не вошедшим в основное собрание, рукописным вариантам. Среди них – посвящение Пушкину к стихотворению “Сама судьба мне завещала...”: “В рукописи – посвящение: “Памяти Пушкина” (26 мая 1899 года отмечалось столетие со дня рождения поэта) и отброшенное начало” [9] Здесь слышится пушкинское звучание темы поэта и поэзии. Выявлено также несколько эпиграфов из Пушкина К тексту “Табор шел. Вверху сверкали звезды..” – эпиграф из Пушкина (“Цыганы”) и помета в рукописи: «Проба стихов “настоящих”, где “описывается природа и быт”, вообще – “картины»» [10]. Еще один комментарий “Мэри” – “вариации на тему драматических сцен А.С. Пушкина “Пир во время чумы” [11] К тексту “Пять изгибов сокровенных ” – эпиграф из А.С. Пушкина (“Легенда”)

Он имел одно виденье,
Непостижимое уму” [12]

Сопоставление эпиграфа и блоковского текста свидетельствует, что Блок находил у Пушкина близкое себе, на своем пути к “мистическому”

Следующий этап – “Стихи о Прекрасной Даме”. Сознательно – это уход от Пушкина Здесь нет уже реминисценций. Пушкинские мотивы “рыцаря бедного” и “спящей царевны” вложены в совершенно иной художественно-эстетический план – символистский, мистический

В то же время полного, внутреннего разрыва с Пушкиным не происходит. остается “подсознательное” – поэтическая память Не от Пушкина ли этот роман молодого дворянина с соседкой по имени или идеал женщины и высокой любви (что у Блока в них есть от земного)? З.Г. Минц в статье о Блоке к биографическому словарю пишет “Мотив романтически-рыцарского поклонения мистической Даме (нетрадиционный для русской поэзии за исключением В.А. Жуковского и пушкинского романа “Жил на свете рыцарь бедный”) соединяется у Блока с земным чувством любви-страсти” [13]

В 1904–1905 годы происходит преобразование отношений Блока с жизнью, символистским “жизнетворчеством” и – с пушкинской традицией Это нашло отражение в лирике второго тома. Блок привлекает история, современный город, пусть еще с элементами мистического, но уже явно сопряженный с пушкинской стилистикой Тесная связь городской темы с “Медным всадником” значительно исследована блоко-

ведческой наукой [14]. Для нас важно, что Блок "движется" к Пушкину. В то же время в цитатных реминисценциях Блок остается полемичным с ним. Об этом пишет В.В. Мусатов: "Революция 1905 года еще более отодвинула в сторону увлечение Блока классической формой. Он ощущает, что ему ближе "стихия", нежели "строй". В цикле "Город" классический облик Петербурга, в котором возникают мотивы рыцаря из сказки, генетически восходящие к "детскому" Пушкину, резко меняется – он становится ареной бушующих исторических сил:

О город! О ветер! О снежные бури!
О, бездны разорванной в клочья лазури!
В этих строчках цитируется Пушкин.
Последняя туча рассеяной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,

– но пушкинская цитата взята полемически, с обратным знаком: рассеивается не буря, а, наоборот, лазурь. И, разрываясь "в клочья", она обнажает "бездны", разверзшиеся в русской истории и русской душе" [15] И пусть это "движение" к Пушкину – не прямое следование, но, как покажет будущее, – последовательное и сознательное.

Наиболее "пушкинской" у Блока считается поэма "Возмездие" (1909)

Л.К. Долгополов и Б.В. Томашевский отмечают, например, близость сюжетных коллизий поэмы Блока "Евгению Онегину": элементы стилистики и поэтики пушкинского романа. А.А. Ахматова позднее скажет, что "Евгений Онегин" испортил "Возмездие" Блока [16]. Но главное, конечно, в том, что новый этап самосознания Блока диктовал потребность эпического осмысления эпохи. И на этом пути был несравненный образец Пушкина – "Медный всадник". Вслед за Пушкиным Блок ведет эпический замысел, обращаясь к важным историческим событиям прошлого и настоящего. Это хрестоматийно известный материал поэмы:

Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы
Аресты, обыски, доносы
И покушенья – без числа ...

.....
Прошло два года Грянул взрыв
С Екатеринына канала,
Россию облаком покрыв
Все издалека предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной -
Последний назван первым марта

Такой прямой, непосредственный разговор об истории и о реальных исторических деятелях (Степняке-Кравчинском, Софье Перовской, Салтыкове-Щедрине, Достоевском, генерале Скобелеве, Победоносцеве и др.) мог возникнуть у Блока прежде всего в свете творческого опыта Пушкина. Также во вступлении ко второй главе "Возмездия" Блок, безусловно, отправляясь от исторической проблематики "Медного всадника", введя с новыми ассоциациями образы Петра и Петербурга.

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней...
.....
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот -
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший флаги,
Внезапно заградил Неву...
И сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим на яву...

Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?

Картина появления флота, ведомого Петром, завершается образом "грядущего дня":

Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Гроза Артуром и Цусимой,
Гроза девятым января

Сцена торжественного возвращения армии, попутные жанровые сценки, легкая ирония автора – все вместе находит завершение в многозначительной концовке:

Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет – нелепым строем,
Великолепна и шумна

В то же время, по наблюдениям ряда ученых, в поэме "Возмездие" оказываются не только совпадения с Пушкиным. Так Е. Книпович, с одной стороны, отмечает, что в "Возмездии" "слились все "пушкинские отзвуки, хранимые с малолетства" в творческой памяти Блока [17]. По ее словам, он сам отчеркнул одно из таких "пушкинских" мест в своей поэме – отрывок о России под властью Победоносцева

Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно.

Однако, как вспоминала Е. Книпович, Блок в 1921 году согласился, что "спящая красавица" из второй главы "Возмездия" – это не только отзвуки спящей царевны и Людмилы, но еще и пани Катерины, а колдун – колдун из "Страшной мести" Гоголя" [18]

Такую же закономерность выявляет и В.В. Мусатов: "С одной стороны, в "Возмездии" возникает "строитель чудотворный" – Петр (см. приводимое ранее "Сон, или явь): чудесный флот" и т.д. – Ф.К., Е.М.).

Но с другой – возникает он по логике сказки, и его явление напоминает выход дядьки Черномора из морской пучины, но никак не оживление медного истукана, реалистически мотивированное безумием Евгения". <...>

Когда же в < > "Возмездии" повествование приобретает реалистический и даже бытовой характер, то "петербургская", "пушкинская" тема вдруг начинает звучать "непушкинскими" интонациями:

Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мне туло
Сползает спину холода .
Куда ни повернись, все ветер
"Как тошно жить на этом свете",
Бормочешь, луку обходя,

Капоши сыщика блестят,
Вонь кислая со всех дворов несется

Это – пушкинский ямб, несущий с собой пушкинскую же петербургскую тему, но уже пропущенную через опыт "физиологического очерка" и "натуральной школы" И вспоминается здесь не "Медный всадник" и не "Евгений Онегин", а Некрасов с его неоконченной поэмой "Несчастные" [19]. Тем не менее, по замечанию В. Мусатова, "сам Блок хотел видеть своим предшественником именно Пушкина" [20].

Поэма "Возмездие" не закончена. Поэма как пушкинская не завершена до конца. Блок не смог до конца, как это сделал Пушкин, проникнуть в существо современного ему исторического процесса. Его герой, отец, бросает вызов судьбе и старым устоям. Но семейным коллизиям движется история. "Преодоление лирики, слияние лирики,

эпоса, драмы" [21] осуществлено Блоком позднее, в его вершинной поэме "Двенадцать"

Итак, новейшие исследования блоковедов показывают, что пушкинская традиция у Блока – явная, но это – "огромная даль": Пушкина почти нет в "Стихах о Прекрасной Даме", в реминисценциях Блок очень часто полемичен с Пушкиным, "пушкинское начало" в отроческой лирике приходит к Блоку через позднейшую поэтическую культуру XIX века и т д

Наше обобщение этих материалов и собственные наблюдения над блоковскими текстами предполагают несколько иные акценты в оценке отношений Блока и Пушкина. Блок "вышел" из Пушкина (ранний этап ученичества), и Пушкин сформировал Блока как русского национального поэта. Сближения с Лермонтовым, Фетом, Некрасовым – это яркие, но отдельные страницы в художественно-эстетическом становлении Блока. Пушкин с Блоком всегда, на всем пути его творческого движения – в сближениях, почти расхождениях, отталкиваниях, полемике, и – в следовании, в этапных поворотах, финале пути художника

Примечания

- 1 Голыцина В И Пушкин и Блок // Пушкинский сборник Псков, 1962, Гроссман Л От Пушкина до Блока М 1962 Мицц З Г Безродный М В Данилевский А А "Петербургский текст" и русский символизм // Уч зап Тартуского ун-та Вып 664 Тарту 1984, Мусатов В В Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века М 1988
- 2 Мицц З Г и др "Петербургский текст" С 347
- 3 Мицц З Г Блок и Пушкин // Уч зап Тартуского ун-та Т 21 Литературоведение Тарту 1973
- 4 Мусатов В В Указ соч С 144
- 5 Там же С 45
- 6 Мицц З Г Блок и Пушкин С 149
- 7 Чичерин А В Сила поэтического слова М, 1985
- 8 Орлов В Вст ст подготовка текста и прим // Блок А А Собр соч В 8 т М, Л, 1960 Т 1
- 9 Там же С 577
- 10 Там же С 650
- 11 Там же С 550
- 12 Там же С 866
- 13 Русские писатели 1800 – 1917 Биографический словарь [Мицц З Г А А Блок] М 1980 Т 1 С 278
- 14 Мицц З Г и др "Петербургский текст", Мирза-Авакян М Л Идеи и образы поэмы А С Пушкина "Медный всадник" в творчестве поэтов-символистов // Поэтика советской прозы Уфа 1985
- 15 Мусатов В В Указ соч С 49
- 16 Цит по Мусатов В В Указ соч С 54
- 17 Киплович Е Об Александре Блоке Воспоминания Дневники Комментарии М, 1987 С 37–39
- 18 Там же С 39
- 19 Мусатов В В Указ соч С 55
- 20 Там же С 56
- 21 Орлов В Поэма Александра Блока "Двенадцать" Страница из истории советской литературы М 1967, Тименчик Р Д "Медный всадник" в литературном сознании XX века // Проблемы пушкиноведения Рига 1983 Эткин Э Демократия, ослепленная бурей (О музыкально-поэтическом строении поэмы А Блока "Двенадцать") // Блок и музыка Сб ст М 1972

С.С Зотова, Л.В. Усенко

"ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ" (Е. ГУРО О Е. ПОЛЕНОВОЙ)

В наследии Е. Гуро (1877–1913), до сих пор полностью не обнародованном, сохранилась неопубликованная статья "Несколько слов о выставке Поленовой". Уникальность, ценность работы состоит прежде всего в том, что поэт, прозаик, живописец серебряного века, размышляя о полотнах Е. Поленовой, открывает и свои заветные духовные убеждения. Именно поэтому эссе-откровение представляет для нас исклю-

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

*200 лет со дня рождения
А.С.ПУШКИНА*

**ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКАЯ ЭПОХА.
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК)**

Сборник научных статей

Краснодар 1999